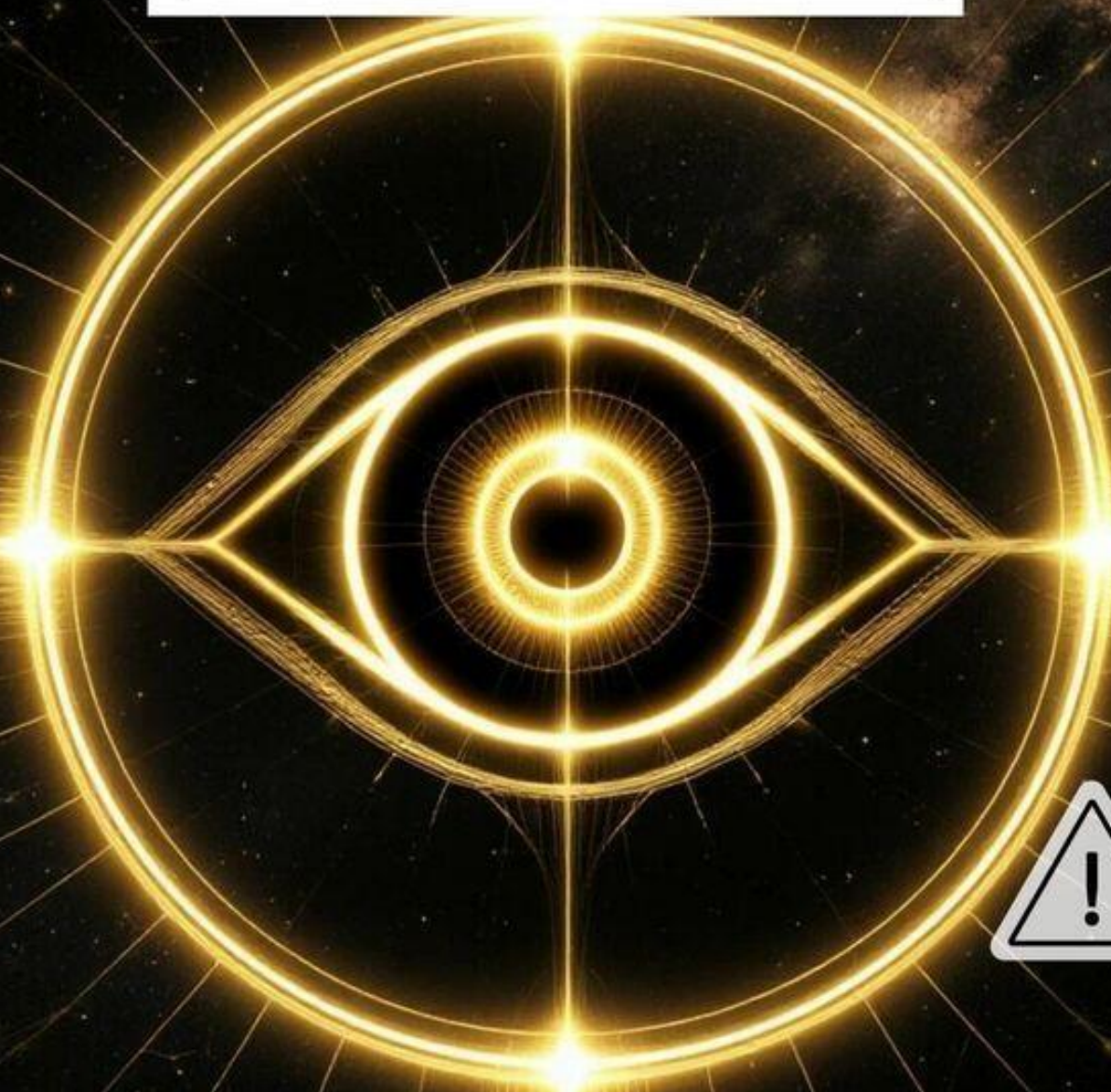

18+

Максим Дмитриевич
Сиротин

Философия Максимизма

Максим Сиротин

Философия Максимизма

«Издательские решения»

Сиротин М. Д.

Философия Максимизма / М. Д. Сиротин — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. «Человек есть канат над бездной... но мы же и ткём
этот канат из нитей своей воли». Это не просто философский трактат. Это
вызов эпохе инфантилизма, релятивизма и патриотической истерии. Автор
пересматривает основы нашего существования: от природы до космического
предназначения. Опираясь на наследие Ницше и научный метод, книга
утверждает: человек — хозяин своей судьбы, но только при условии ясного
разума. Готовы ли вы услышать правду, которая не обещает утешения,
но дарует силу?

Содержание

ВВЕДЕНИЕ: ПРИЗВАНИЕ ТИТАНА	6
ГЛАВА 1. О ПРИРОДЕ ЧЕЛОВЕКА: АБСОЛЮТНАЯ СВОБОДА И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ	7
Ткачи собственной судьбы	7
Amor Fati: Полюби свою долю как собственное творение	7
Memento Mori: Смерть как камертон ответственности	8
Здоровый разум как условие полёта	8
Первый завет Максимизма	9
ГЛАВА 2. СВОБОДА НИЦШЕ, НО С ДИАГНОЗОМ	10
Учитель, преданный собственной бездной	10
Анатомия воли: призма и спектр	10
Уроки истории: Гении между светом и тьмой	11
Когнитивный Аудит: устройство и этика	12
Тень злоупотребления: ответ скептикам	13
Свобода, отвоёванная у бездны	13
Второй завет Максимизма	14
ГЛАВА 3. ИСТИНА КАК ОБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: ВОЙНА С РЕЛЯТИВИЗМОМ	15
Камень преткновения: существование мира без нас	15
Анатомия лжи: от софистов до постмодернистов	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Философия Максимизма

Максим Дмитриевич Сиротин

© Максим Дмитриевич Сиротин, 2026

ISBN 978-5-0070-8128-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВВЕДЕНИЕ: ПРИЗВАНИЕ ТИТАНА

«Я учу вас о сверхчеловеке. Человек есть нечто, что должно превзойти.

Что сделали вы, чтобы превзойти его?»

— Фридрих Ницше, «Так говорил Заратустра»

На заре самосознания, когда первый гоминид взглянул на ночное небо и ощутил не страх, а томление, — в этот миг началась история духа. Не просто история выживания, но история дерзновения. Огонь Прометея был не только теплом очага; он стал символом кражи божественного. Мы, люди, — единственные существа в известной Вселенной, способные бросить вызов собственной природе, перекроить её по лекалам мечты и устремиться туда, где ещё нет дорог. Мы — канат над бездной, как говорил Ницше, но мы же и ткём этот канат из нитей своей воли.

Максимизм рождается не из отрицания прошлого, а из его благоговейного переосмысления. Мы стоим на плечах гигантов — от Гераклита, учившего о вечном становлении, до Аристотеля, узревшего в каждой вещи её **энтелехию** — внутреннюю цель, стремление к совершенной осуществлённости. Мы внимаем стоикам, подарившим нам **Memento Mori** — помни о смерти, чтобы ценить жизнь. Мы принимаем суровый дар Ницше — **Amor Fati**, любовь к своей судьбе, какой бы трудной она ни была. Сказать «да» миру во всей его полноте, без трусливых оговорок, — вот первый завет нашего движения.

Однако мы не просто собираем осколки древних учений. Мы заново выплавляем их в горниле науки и исторического опыта. Прошлые цивилизации рухнули не от недостатка силы, а от избытка иллюзий: иллюзий о божественном происхождении власти, иллюзий о равенстве слабости, иллюзий о том, что истину можно заменить удобным мифом. Эпоха Просвещения начала великую чистку, но остановилась на полпути, убоявшись собственных выводов. Максимизм завершает этот марш. Он говорит: да, мы — животные, но животные, способные стать богами. Да, мы смертны, но наша смертность — топливо для величия. Да, иерархия естественна, но она должна быть столь же подвижной, как ртуть, — отражая не кровь предков, а силу разума и воли.

Настал момент, когда человечество снова должно выбрать направление. Либо мы остаемся племенем, грызущимся за клочки земли и виртуальные знаки одобрения, либо осознаем себя единым видом на пороге космической зрелости. Максимизм — это компас в этом переходе. Он не сулит лёгкого счастья. Он требует труда. Но он дарит взамен нечто большее: подлинную свободу, осмысленное достоинство и место в великой цепи эволюции — от звёздной пыли к звёздным империям.

В этой книге мы развернём десять столпов доктрины — от природы человеческой воли до колонизации космоса. Каждая глава — не догма, а диагноз и рецепт. Диагноз для эпохи, заражённой релятивизмом, патриотической истерией и культом бессилия. Рецепт — возвращение к реальности через меритократическую иерархию, культ здорового разума и неумолимую честность перед фактами.

Мы приглашаем тебя не просто читать. Мы приглашаем тебя мыслить. Ибо Максимизм не принимает пассивных последователей — только соавторов, только строителей, только тех, кто решился взять свою жизнь в собственные руки. Если ты устал от лжи популизма, если тебя душит фальшивый патриотизм и ложное равенство, если ты чувствуешь в себе нерастратченную мощь — эта книга для тебя. Добро пожаловать в новый век. Век Максимизма.

ГЛАВА 1. О ПРИРОДЕ ЧЕЛОВЕКА: АБСОЛЮТНАЯ СВОБОДА И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

«Свободный от чего? Какое дело до этого Заратустре! Но ясным взором должен ты мне сказать: свободный для чего?»

— Фридрих Ницше, «Так говорил Заратустра»

Ткачи собственной судьбы

В самом сердце Максимизма лежит постулат, старый, как само человеческое самосознание, но забытый в эпоху инфантильной успокоенности: **человек есть первопричина самого себя**. Мы не марионетки генов, не глина в руках среды, не заложники «исторических обстоятельств». Все эти факторы — лишь декорации, исходный материал, с которым воля вступает в танец. Великий кузнец своей судьбы не выбирает руду, из которой ему предстоит выковать меч, но он и только он решает, станет ли эта руда ржавым ломом или дамасским клинком.

Аристотель ввёл в философию понятие **энтелехии** — внутренней целеустремлённости, заложенной в каждом сущем, ведущей его от потенциальности к полной осуществлённости. Жёлудь «стремится» стать дубом не потому, что ему приказывают почва и солнце, а потому, что дуб — его сущностная цель. Для человека такая цель не запрограммирована однозначно инстинктом. Мы — существа с открытым проектом. Наша энтелехия не дана, а задана как задача. И решить эту задачу можно только через акт свободного выбора, через постоянное самопревосхождение. Быть человеком — значит быть в пути от того, что ты есть, к тому, чем ты можешь и должен стать. Отказаться от этого движения — предать свою природу.

Именно поэтому Максимизм клеймит позицию жертвы как главный порок современности. Заявления «у меня не было шансов», «общество меня сломало», «во всём виноваты богатые» — это не анализ реальности, а добровольное отречение от человеческого достоинства. Это экзистенциальное самоубийство, совершаемое задолго до физической смерти. Тот, кто объявляет себя беспомощной щепкой в потоке обстоятельств, отрицает в себе искру Прометея. Он выбирает покой небытия вместо бремени бытия. Мы говорим таким людям: ваша трагедия не в том, что вы слабы, а в том, что вы возлюбили свою слабость.

Amor Fati: Полюби свою долю как собственное творение

Стоики учили нас искусству различения: есть вещи, зависящие от нас, и вещи, не зависящие. Мудрость, говорили они, в том, чтобы направить всю энергию на первые и с совершенным спокойствием принимать вторые. Ницше пошёл дальше. Его формула **Amor Fati** — любовь к року — требует не просто принимать неизбежное, но желать его, видеть в нём необходимую часть своей траектории, красоту своей уникальной партитуры.

Максимизм переплавляет Amor Fati в практический императив. Твоя судьба — это не то, что с тобой случилось. Это то, что ты выбрал делать с тем, что с тобой случилось. Полюби не пассивное страдание, а активное формирование. Полюби последствия своих решений, ибо они — единственное подлинное зеркало твоей личности. Если ты богат — это следствие твоих усилий, ума, риска. Если ты беден — в подавляющем большинстве случаев это следствие твоих же ошибок, лени или трусости. Признать это горько, но только проглотив эту горечь, ты обретаешь силу что-либо изменить. Пока ты ищешь виноватого вовне, ты сидишь в тюрьме, ключ от которой лежит в твоём кармане.

Вспомним историю. Бетховен терял слух — казалось бы, фатальный приговор для музыканта. Среда, генетика, случай — всё против него. Но он не стал «жертвой глухоты». Он перековал проклятие в титаническую мощь Девятой симфонии. Стивен Хокинг, заточённый в разрушающемся теле, облетел мыслью Вселенную. У них не было другого старта, чем у миллионов безымянных страдальцев, но была воля. И эта воля превратила свинец обстоятельств в золото величия. Максимизм требует от каждого: найди своего Бетховена внутри, даже если мир дал тебе не рояль, а какофонию.

Memento Mori: Смерть как камертон ответственности

«Помни о смерти» — этот завет древних римлян, шептавшийся триумфатору среди рукоплесканий толпы, в Максимизме обретает новое дыхание. Осознание конечности — не повод для уныния, а единственно возможный источник серьёзности. Если бы человек был бессмертен, любой выбор был бы обратим, любое действие можно было бы отложить на тысячелетия, и свобода потеряла бы всякий вес. Именно смерть, неумолимая и справедливая, делает каждое мгновение драгоценным, а каждое решение — неотменимым.

Memento Mori отрезвляет. Оно срывает мишуру суеты и ставит перед голым фактом: время твоей жизни — невозобновимый ресурс. Тратить его на обиды, зависть, пустые развлечения или паралич воли — преступление против самого себя. Человек Максимизма каждое утро задаёт себе вопрос:

«Если бы сегодня был мой последний день, сделал бы я то, что собираюсь сделать?» И если ответ «нет» звучит слишком часто, такой человек обязан перекроить свою жизнь, пока не стало слишком поздно.

Но Memento Mori имеет и социальное измерение. Оно разрушает высокомерие наследственных элит и спесь временщиков. Ты умрёшь, и твои дворцы, титулы, банковские счета останутся здесь. Что переживёт тебя? Только твои дела, идеи, вклад в общую энтелехию человечества. Память — вот единственная валюта вечности. И мы, максимисты, ценим лишь ту иерархию, что построена на бессмертных заслугах, а не на тленных привилегиях.

Здоровый разум как условие полёта

Здесь мы подходим к важнейшему уточнению, которое отделяет Максимизм от анархического волюнтаризма и поверхностного нищезнания. Свобода, провозглашённая нами, не есть хаотическое «делай что в голову взбредёт». Она предполагает способность к адекватному восприятию реальности и логическому мышлению. Воля без разума — это слепая сила, которая разрушает в первую очередь своего носителя.

Мы признаём: бывают состояния, когда человек объективно несвободен, хотя ему и кажется иначе. Тяжёлая депрессия, искажающая восприятие мира в чёрный цвет; шизофрения, подменяющая реальность галлюцинациями; психопатия, лишаящая способности к эмпатии; зависимости, берущие биохимию мозга в заложники, — всё это не «особые пути духа», а **болезни**. И относиться к ним с благоговейным почтением, как это делают адепты радикальной толерантности, — значит предавать самого больного, оставляя его гнить в темнице собственного расстроенного сознания.

Поэтому Максимизм вводит концепцию **Когнитивного Аудита**. Это не карательная мера, а акт высшего гуманизма. Если разум человека повреждён настолько, что он не способен к самостоятельному тестированию реальности, общество в лице лучших клинических психологов и психиатров обязано вмешаться. Лечить — значит освобождать. Мы не сажаем безумца в клетку, мы распахиваем двери его внутренней тюрьмы. Мы возвращаем ему утраченную способность быть хозяином своей судьбы. В этом — сострадание хирурга, который причиняет

боль, чтобы избавить от смерти. Насилие ли это? Нет. Это восстановление суверенитета личности над самой собой.

Таким образом, максимистская свобода — это удел **здоровых**. Только приведя ум в ясность, можно говорить об ответственности, о выборе, о величии. Всё остальное — реанимация, а не жизнь. И в следующих главах, говоря о праве на риск, о саморазрушении гения, о конкуренции, мы всегда будем незримо держать в уме этот фильтр: свободен лишь тот, чей разум чист, как линза телескопа, направленного на звёзды.

Первый завет Максимизма

Завершим эту главу кристаллизацией первого и главного императива нашей доктрины:

Ты — хозяин своей судьбы, и только твой выбор определит, станешь ли ты прахом или звездой. Не ищи оправданий. Не проси пощады у обстоятельств. Возлюби бремя последствий, памятуя о смерти, и иди к своей энтелехии — туда, где твоя потенциальная мощь становится реальной силой. А если ты болен духом — прими лечение как милость, чтобы затем снова встать у штурвала.

Это — альфа и омега Максимизма. От этой точки мы развернём карту дальнейших принципов: почему иерархия справедлива, почему рынок есть отбор, почему космос зовёт. Но всё это будет лишь следствием, развёртыванием главной предпосылки: ты свободен. Свободен тотально. И эта свобода — твой крест и твоя корона.

ГЛАВА 2. СВОБОДА НИЦШЕ, НО С ДИАГНОЗОМ

«Безумие единиц — исключение, а безумие целых групп, партий, народов, времён — правило».

— Фридрих Ницше, *«По ту сторону добра и зла»*

«Только тот, кто носит в себе хаос, способен родить танцующую звезду».

— Фридрих Ницше, *«Так говорил Заратустра»*

Учитель, преданный собственной бездной

Бывают фигуры, в которых дух эпохи кристаллизуется с такой силой, что они перестают быть просто людьми и становятся пророчествами. Фридрих Ницше — именно такая фигура. Он ворвался в сонное царство европейского декаданса, как грозовой фронт, и провозгласил смерть Бога, конец старой морали, рождение Сверхчеловека. Он дал нам язык, на котором мы до сих пор говорим о силе, воле, самопревосхождении. Его философия — фундамент, на котором Максимизм возводит своё здание.

Но судьба Ницше содержит в себе предостережение, которое мы не имеем права игнорировать. Тот, кто учил о «воле к власти», закончил свои дни в тисках паралича и безумия, подписывая письма именами «Дионис» и

«Распятый». Тот, кто презирал слабость, стал воплощением крайней человеческой уязвимости. Тот, кто звал к танцу над пропастью, упал в неё и уже не вернулся.

Как нам следует относиться к этой трагедии? Старая Европа ответила смущённым молчанием и попытками забыть. Психиатры того времени диагностировали «атипичный паралич», возможно, сифилитического происхождения. Декаднствующие поклонники начали романтизировать его безумие как вершину гениальности: дескать, великий ум не выдержал собственной глубины. И то и другое — трусливое бегство от сути.

Максимизм смотрит на трагедию Ницше иначе — с сыновней любовью и клинической честностью. Мы говорим прямо: его болезнь была не венцом его гения, а его могильщиком. Она не добавила ни строчки к его философии, она украла у него десять лет жизни и способность мыслить. Если бы у нас была машина времени, наш долг перед ним был бы не в том, чтобы «сохранить его уникальность», а в том, чтобы вылечить его, вернуть ему ясность ума и дать дописать всё, что болезнь сожрала в зародыше. Вот наш принцип: **гений заслуживает исцеления, а не благоговейного созерцания его агонии.**

Анатомия воли: призма и спектр

Чтобы понять, где проходит граница между величием и распадом, мы должны препарировать саму волю. Воля — не монолит. Это сложный психический процесс, включающий восприятие реальности, формирование желания, оценку последствий и принятие решения. Когда все эти компоненты работают слаженно, перед нами — свободный человек. Когда хотя бы один выходит из строя — здание свободы даёт трещину.

Представим себе спектр воли, развёрнутый наподобие светового луча, пропущенного через призму клинического мышления. На одном полюсе — крошечная тьма: полная утрата сознания, кома, вегетативное состояние. Здесь нет ни выбора, ни личности, ни свободы. Это биологическое существование без психического субъекта. Максимизм не распространяет на эту зону свою этику — здесь действуют законы чистой биологии и медицины.

Следующая зона, которую мы называем **зоной псевдо-воли**, охватывает состояния, при которых сознание активно, но фундаментально искажено. Острый психоз, шизофренический бред, маниакальная экзальтация с утратой критики. Человек в таком состоянии может совершать сложные действия, говорить связные речи, даже создавать произведения искусства, но его разум отсоединён от объективной реальности. Он живёт в галлюцинаторном мире, который принимает за подлинный. Его «выборы» суть автоматические реакции на внутренние стимулы, а не осознанные акты. Принимать такую активность за свободу — то же самое, что восхищаться броуновским движением молекул, называя его танцем.

Далее расположена **зона мутной воли**. Она особенно коварна, потому что маскируется под нормальность. Сюда относятся клиническая депрессия, обсессивно-компульсивные расстройства, зависимости, тяжёлые неврозы. Формально рассудок сохранён, человек может поддерживать беседу, работать, даже блистать интеллектом. Но его центр принятия решений захвачен патологическими паттернами. Алкоголик искренне верит, что «выбирает» выпить. Но его нейромедиаторная система уже перехватила штурвал, и то, что он ощущает как «желание», есть биохимический императив, сравнимый с жаждой или голодом. Депрессивный больной «выбирает» изоляцию и бездействие, но этот выбор продиктован серотониновым провалом, а не экзистенциальной позицией. Это не свобода. Это рабство, нарядившееся в костюм автономии.

И наконец, на ярком полюсе — **зона здоровой воли**. Здесь разум работает как точный прибор: реальность воспринимается без значительных искажений, эмоции соразмерны стимулам, долгосрочные последствия просчитываются, решение принимается на основе логики и ценностей, а не химического наваждения. Только в этой зоне мы можем говорить о подлинной свободе и, следовательно, о подлинной ответственности.

Уроки истории: Гении между светом и тьмой

История дарит нам галерею фигур, чьи жизни иллюстрируют этот спектр с трагической наглядностью. Их примеры — не праздные анекдоты, а препарированные случаи, на которых мы оттачиваем наше понимание.

Винсент Ван Гог. Творец, перевернувший живопись, чьи полотна дышат такой витальностью, что кажется, будто они излучают собственный свет. Но его жизнь была адом. Эпизоды психоза, во время которых он отрезал себе ухо и дарил его проститутке. Галлюцинации, толкавшие его на странные и разрушительные поступки. Финальный выстрел в грудь в пшеничном поле. Романтическая традиция трактует эту биографию как «судьбу гения, слишком тонкого для грубого мира». Максимизм говорит жёстче: Ван Гог был великим художником, который страдал от тяжёлого психического заболевания. Его творчество — продукт здоровых промежутков, тех окон ясности, когда болезнь отступала и он мог работать. Сама же болезнь была его врагом, укравшим у него жизнь и, вероятно, много ненаписанных шедевров. Если бы современная психиатрия могла купировать его психозы, мир получил бы больше Ван Гога, а не меньше.

Фридрих Гёльдерлин. Поэт, равновеликий Гёте, проведший вторую половину своей жизни в башне над Неккаром, в состоянии «тихого помешательства», играя на воображаемом фортепиано и называя себя Скарданелли. Тридцать шесть лет сумеречного существования. Романтики видят в этом «уход духа в горние сферы». Мы видим катастрофу. Мы видим титана, поверженного болезнью, которая в наше время могла бы быть диагностирована и, возможно, купирована. Трагедия Гёльдерлина — не в том, что он был гением, а в том, что гений оказался незащищён перед биологическим распадом.

Джон Нэш. Контрастный и обнадёживающий пример. Математический гений, создатель теории игр, в тридцать лет провалившийся в параноидную шизофрению. Он слышал голоса,

верил в заговоры, блуждал по кампусу, оставляя загадочные записи на досках. Но здесь история поворачивает в сторону, которую Максимизм объявляет образцовой. Нэш прошёл через лечение — тяжёлое, несовершенное, но давшее ему точку опоры. А затем он совершил нечто ещё более впечатляющее: волевым усилием, используя ресурсы своего блестящего ума, он научился отличать голоса от реальности. Он не избавился от галлюцинаций полностью, но он перестал им подчиняться. Он игнорировал их, как мы игнорируем уличный шум. Итогом стали десятилетия продуктивной работы и Нобелевская премия. Вот он, максимистский идеал: не романтизация болезни, а её преодоление через силу разума и помощь науки.

Эрнест Хемингуэй. Железный человек американской литературы, культивировавший образ мачо, охотника, воина. Его конец известен: приставил дуло ружья ко лбу и нажал спуск. Долгое время это подавалось как «мужественный уход», как последний волевой акт того, кто не желал сдаваться старости. Но клинические исследования его биографии показывают иную картину: тяжёлая депрессия, усугублённая алкоголизмом и черепно-травматическими повреждениями, параноидные эпизоды (он был уверен, что за ним следит ФБР). Его самоубийство было не актом свободы, а финальным аккордом болезни. Электросудорожная терапия, которую ему проводили, разрушила его память и, вероятно, усилила отчаяние — но это говорит лишь о несовершенстве тогдашней медицины, а не о порочности самой идеи лечения. Максимизм скорбит о Хемингуэе как о солдате, погибшем в бою с невидимым врагом, которого тогда не умели побеждать.

Когнитивный Аудит: устройство и этика

Из этих уроков мы извлекаем практический вывод: общество нуждается в институте, способном проводить границу между здоровой волей и её патологическими имитациями. Мы называем этот институт **Когнитивным Аудитом**.

Слово «аудит» выбрано намеренно. Оно отсылает к финансовой проверке, к строгой, документированной, независимой оценке состояния дел. Такой же строгости и прозрачности мы требуем в оценке психического статуса, когда возникает вопрос о вмешательстве. Когнитивный Аудит — не

карательный орган и не инструмент подавления инакомыслия. Это экспертное сообщество, состоящее из лучших клинических психологов, психиатров, нейробиологов и судебных экспертов, чьи решения прозрачны, обжалуемы и основаны исключительно на доказательной медицине.

Принципы работы Когнитивного Аудита:

— **Презумпция здоровья.** Пока человек не демонстрирует поведения, представляющего явную угрозу для себя или других, и пока его способность тестировать реальность не поставлена под сомнение документированными фактами, никто не имеет права вмешиваться в его жизнь. Быть странным, эксцентричным, неудобным, провокационным — не преступление и не диагноз. Максимизм защищает право на оригинальность так же рьяно, как и право на лечение.

— **Триггер вмешательства.** Аудит активируется только в случаях, когда действия человека демонстрируют очевидный разрыв с реальностью, угрожающий жизни или базовому функционированию, либо когда сам человек (в светлый промежуток) или его близкие запрашивают помощь. Одиноким чудаком, разговаривающим с невидимым другом у себя дома, — не объект аудита, если он не нарушает закон и не представляет опасности. Но если его поведение начинает угрожать ему или другим, если он публично провозглашает бредовые идеи, ведущие к насилию, — включается механизм оценки.

— **Мультидисциплинарность и независимость.** Диагноз не ставится одним врачом, тем более аффилированным с государством. Решение принимается коллегией, включающей

специалистов с разными взглядами, на основе батареи тестов, нейровизуализации, длительного наблюдения. Заключение Аудита может быть оспорено в независимом трибунале.

— **Цель — реабилитация, а не изоляция.** Цель вмешательства — вернуть человеку способность быть свободным. Мы лечим, чтобы освободить. Фармакотерапия, психотерапия, когнитивный тренинг, социальная реинтеграция — вот наш арсенал. Тюрьма и карательная психиатрия не имеют к этому отношения. Мы не наказываем больного человека, мы восстанавливаем его разум, как восстанавливают повреждённый орган.

— **Терапия идей-вирусов.** Максимизм признаёт, что не все расстройства мышления имеют органическую природу. Некоторые — это усвоенные ложные идеологии, ментальные вирусы, которые захватывают мозг здорового в остальном человека и толкают его на разрушительные действия. Радикальный экстремизм, деструктивные культы, параноидные конспирологические системы — всё это формы «неправильных идей», которые поддаются коррекции через интенсивное образование, диалог и когнитивную терапию. Аудит работает и с такими случаями: если человек здоров нейробиологически, но заражён ложной системой убеждений, его «лечат» знанием, логикой, демонстрацией фактов. Это не подавление инакомыслия, это интеллектуальная хирургия.

Тень злоупотребления: ответ скептикам

Мы слышим возражение: «А не станет ли этот Аудит орудием тирании? Не будут ли неугодных объявлять сумасшедшими, как это делали в Советском Союзе с диссидентами?»

Это самый серьёзный вопрос, и мы не отмахиваемся от него. Карательная психиатрия XX века — позорная страница истории, когда политический протест объявлялся «вялотекущей шизофренией» и лечился нейролептиками. Максимизм знает эту опасность и встраивает в систему Аудита предохранители. Главный из них — критерий **тестирования реальности**. Политическая оппозиция, философское инакомыслие, художественная провокация, религиозный нонконформизм не являются симптомами болезни, если они не сопровождаются галлюцинациями, бредом, распадом мышления, очевидной неспособностью отличать факты от вымысла. Диссидент, пишущий антиправительственный памфлет, действует в пределах здравого разума, пусть и противостоит власти. Психотик, утверждающий, что ему вживили чип инопланетяне, и нападающий на прохожих с этой мотивацией, — в зоне патологии. Граница проходит по процессу мышления, а не по его содержательной лояльности системе.

Кроме того, открытость процедуры, право на второе мнение, публичная отчётность Аудита — всё это создаёт систему сдержек, не позволяющую превратить диагностику в политическое оружие. Мы строим институт, который сам должен проходить проверку на «здоровье» — и если он заболевает, его надлежит лечить по той же логике.

Свобода, отвоёванная у бездны

В конечном счёте, Максимизм не противопоставляет разум и бездну. Он помещает их в правильное отношение. Бездна — необходимый элемент человеческой психики. Из неё рождаются сны, мифы, искусство, дерзновенные гипотезы науки. Без контакта с хаосом мы были бы скучными автоматами, лишёнными творческого огня. Но одно дело — нырять в бездну с аквалангом дисциплины и страховочным тросом логики, и совсем другое — броситься в неё вниз головой, забыв, где верх.

Творческий гений, визионер, пророк — все они ходят по краю. Максимизм не требует от них слезть с этого края и стать «нормальными». Он требует, чтобы они не падали. И если мы видим, что человек теряет равновесие, наш долг — протянуть руку, а не аплодировать его падению, называя его «полётом».

Второй завет Максимизма

Будь безумен в мечтах и клинически точен в мышлении. Не бойся хаоса внутри себя, но держи его в узде разума. И если твой мозг заболеет, если нейрохимия предаст тебя или ложные идеи захватят твой ум — не отвергай помощи. Мы придём к тебе не как судьи, а как санитары духа, чтобы вернуть тебе то, что у тебя украли: твою свободу. Ибо нет большей несвободы, чем быть рабом собственного расстроенного рассудка.

ГЛАВА 3. ИСТИНА КАК ОБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: ВОЙНА С РЕЛЯТИВИЗМОМ

«Человек — слуга и истолкователь Природы. Он может сделать и понять лишь столько, сколько охватил в порядке Природы делом или размышлением; сверх этого он не знает и не может».

— Фрэнсис Бэкон, «Новый Органон»

«Истина существует, и заблуждение имеет свои пределы»

— Аристотель, «Метафизика»

Камень преткновения: существование мира без нас

Есть один вопрос, который с жестокой простотой отделяет зрелый ум от инфантильного. Звучит он так: существовал ли мир до того, как появился первый наблюдатель? Для ребёнка это каверзная загадка. Для дикаря — повод сотворить миф о рождении вселенной из яйца или тела первобога. Для софиста — возможность развести бесконечный спор. Но для человека науки и для максимиста ответ однозначен и не подлежит обсуждению: **да, существовал.**

Горы возносились к небу, океаны бились о берега, звёзды жгли свой водород, а законы термодинамики работали в точности так же, как работают сейчас, — и всё это за миллиарды лет до того, как первое примитивное создание открыло свои фоточувствительные пятна и зафиксировало разницу между светом и тьмой. Реальность первична. Сознание вторично. Это не философское мнение, это наблюдаемый факт, подтверждённый всей совокупностью научного знания, от геологии до космологии.

Признание этого факта — краеугольный камень Максимизма. Мы утверждаем: существует объективная реальность, независимая от наших желаний, верований, культурных конструкций и языковых игр. И эта реальность познаваема. Не полностью, не без труда, не без ошибок, но принципиально познаваема. Наш разум эволюционно сформирован именно для этого — для построения всё более точных моделей внешнего мира, потому что от точности этих моделей зависит выживание. Организм, который систематически путает хищника с камнем, долго не живёт. Естественный отбор безжалостно вырезает релятивистов.

Анатомия лжи: от софистов до постмодернистов

Болезнь релятивизма стара, как сама цивилизация. Её первые разносчики — греческие софисты, блестящие риторы, учившие, что истина — это то, что талантливый оратор может выдать за истину, а объективной правды не существует, есть лишь игра мнений. Протагор провозгласил: «Человек есть мера всех вещей». В изящной формулировке уже таилась ядовитая сердцевина: если каждый индивид — мера, то никакой общей меры нет вовсе, и спор о реальности сводится к битве красноречий.

Сократ отдал жизнь за то, чтобы опровергнуть этот тезис. Он настаивал: есть Истина с большой буквы, и задача философа — искать её через диалог, через логику, через очищение понятий от шелухи мнений. Его казнь была платой за отказ признать, что «истина у каждого своя». Цикута стала его венцом, а его смерть — вечным напоминанием: релятивизм всегда ищет власти, а не правды.

Средние века заменили античный релятивизм догматизмом, но это было лишь другое бегство от реальности: вместо того чтобы говорить «истины нет», стали говорить «истина уже

дана в Писании, и проверять её опытом — грех». Костры инквизиции пылали для тех, кто осмеливался смотреть в телескоп и верить собственным глазам, а не авторитету Аристотеля в пересказе теологов. Догматизм и релятивизм — две головы одного чудовища: оба отрицают суверенное право разума на контакт с реальностью.

Эпоха Просвещения совершила титаническую работу по освобождению мысли. Бэкон, Галилей, Ньютон, Декарт — они вернули человеку достоинство познающего субъекта. Научный метод стал той самой лестницей в небо, которая позволяла дотягиваться до объективных законов мироздания. Казалось, битва выиграна. Но в XX веке враг вернулся под новыми знамёнами — на сей раз под флагом постмодернизма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.